

Мне пришлось петь на тринадцати языках

В декабре минувшего года в Генуе состоялась премьера спектакля Большого театра «Князь Игорь». Основная часть труппы еще находилась в Генуе, когда Евгений Евгеньевич Нестеренко прилетел в Москву для участия в гала-концерте «звезд мировой оперы».

— Евгений Евгеньевич, расскажите о премьере.

— В Генуе предпринята попытка создать спектакль усилиями двух коллективов: Генуэзской оперой и Большим театром. На 90 процентов это был спектакль Большого театра — режиссер-постановщик Б. Покровский, дирижер А. Лазарев, художник В. Левенталь. Из Большого все солисты, хор, балет и даже несколько человек из мимического ансамбля, люди, которые ведут спектакль, печат нах, работники постановочной части, гримеры. Декорации и костюмы были изготовлены в наших мастерских. Генуэзцы предоставили нам свое помещение. Замечательное современное здание, где на 16 этажах размещены все службы, мастерские, целый город-театр с прекрасным зрительным залом на полторы тысячи мест.

— Как итальянский зритель принял новую постановку?

— Я пел премьеру и второй спектакль. Зал принимал восторженно, овациями сопровождался оба спектакля. Итальянцы — люди эмоциональные, во втором спектакле они стали аплодировать даже среди арии.

— Отличается итальянская публика от нашей?

— Если нашей публике спектакль нравится, то горячий ее нет, если не нравится — вяло аплодирует и быстро расходится. За рубежом, особенно в Италии, если зрителям спектакль не нравится, то они просто-таки безжалостно уничтожают и режиссера, и актеров. Отличается также и реакция прессы. О «Дон

Карлосе» в Италии, к примеру, написали как минимум тридцать газет. Буквально все отметили голоса наших певцов, высших похвал удостоен балет, так же, как и хор, восторженные оценки получил Александр Лазарев. Что касается режиссуры и оформления, я в подробности не вдавался, но в одной газете прочитал, что они хороши, но традиционны. На Западе все время хотя бы нового, режиссеры вытворяют черт знает что, публика их освистывает, но тем не менее, когда режиссером руководит здравый рассудок, то критики говорят: это традиционно.

— Можно ли считать новую версию «Князя Игоря»?

— Как известно, Бородин не закончил «Князя Игоря», он писал скорее не оперу, а сцены, которые не были композиционно связаны между собой, у него не было четко выраженной оперной конструкции. Римский-Корсаков и Глазунов, собрав все воедино, несомненно, совершили творческий подвиг. Но многое из того, что инструментовал Римский-Корсаков, не вошло в издание всем известной беляевской партитуры, не говоря уже о многочисленных набросках Бородина, так что новая концепция, показанная в Генуе, может быть спорной, но она имеет такое же право на существование, как и старая. Впрочем, для Большого театра сейчас готовится несколько иная версия.

— А как вы вообще относитесь к новшествам?

— Бывает поиск, основанный на невежестве, когда от-

сутствие таланта пытаются скрыть за «новаторством», и это бывает довольно часто. Особенно мне не нравится, когда режиссер при этом заявляет, что, дескать, в спектакле поставлены проблемы вечные и поэтому он оперу, к примеру, «Леди Макбет», не привязывает ни ко времени, ни к России. Это означает, что режиссер не знает ни русского языка, ни русской истории и свое незнание маскирует таким «новаторством». Мне часто приходилось видеть режиссеров, которые ставят итальянскую оперу, читая английский перевод текста и не говоря по-итальянски.

— А вы предпочитаете в итальянской опере петь на итальянском, а в немецкой на немецком?

— Я довольно прилично владею английским и итальянским, говорю немозно по-немецки, понимаю по-французски. Освоил в свое время бытовую речь по-венгерски, потому что много пел в Венгрии и преподавал, получил даже звание почетного профессора Музыкальной академии имени Листа. Пел в Будапеште «Синюю Бороду» Бартока. Пришлось петь на 13 языках. Певческая элита, пожалуй, — самая многоязычная.

— Среди музыкантов певцы, наверное, самые высокообразованные?

— Напротив, существует расхожее мнение, что певцы — самый темный и малограмотный народ. Некоторые основания для такого взгляда есть, потому что некоторые певцы считают, что если бог дал ему голос, то многое другое пропадет. К тому же часто приходят в большую музыку довольно поздно, потому что поздно открывается голос. Я сам поступил в Ленинградскую консерваторию, когда заканчивал инженерно-строительный институт. Многие пришлось наверстывать: сольфеджио, гармонию, историю музыки... Высококлассный певец — это все-таки богатая человеческая личность.

— Как вы любите отдыхать? Где проводите отпуск?

— Последние три года вообще не до отпуска. Во время гастролей бывают перерывы между спектаклями — тогда я действительно отдыхаю, гуляю, читаю, да и просто отсыпаюсь. Зимой в Москве не отдыхаю совсем, если не занят в театре, то занят в консерватории, а летом — многочисленные фестивали. Не хочется отдыхать ни в санатории, ни за границей. Идеальный вариант для меня — на даче, в кругу своих близких и родных, своих книг, своих нот, своих вещей, своей природы, своей реки.

— Вы по-прежнему волнуетесь, когда выходите на сцену?

— Волнуюсь днем перед спектаклем, а когда прихожу в театр — волнение начинает затихать. Конечно, того страшного волнения, когда дрожат колени, уже нет, но в Генуе перед премьерой я волновался, волновался, когда выходил на сцену, и после спектакля, и когда раскрывал газету. Я нахожусь в том возрасте, когда басы достигают пика формы, пика мастерства, и критики ждут, когда начнется спад, поэтому не хочется спотыкаться — чтоб не давать повода.

— Что вы думаете о судьбе культуры в России?

— Я думаю, пока люди, стоящие у власти, не будут людьми, которые любят искусство, у нас не будет и цивилизованного отношения к искусству. Помню, как президент Италии, посетив Большой театр в рамках протокола, остался до конца спектакля. Всем было это непонятно, а президент просто любит музыку.

Беседовала
Г. ВАСИЛЬЕВА.

ОТ РЕДАКЦИИ: Редакция поздравляет Мастера с присуждением ему приза имени Вильгельма Фуртвенглера, как «одному из выдающихся басов нашего столетия».